

Северное измерение как перспективная модель взаимодействия ЕС с крупными державами в условиях обострения дезинтеграционных процессов на европейском пространстве

Ланко Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; dimppa@hotmail.com

РЕФЕРАТ

Северное измерение — четырехсторонняя политика Российской Федерации, Европейского союза, Норвегии и Исландии — характеризуется в статье в двух качествах. С одной стороны, Северное измерение зарекомендовало себя в качестве эффективного инструмента решения специфических проблем северной части европейского континента. С другой стороны, Северное измерение рассматривается здесь в качестве модели взаимоотношения Евросоюза со своими крупными соседями, сопоставимыми с Россией по своей военной мощи, размеру экономики и масштабам политических амбиций. Сегодня таким крупным соседом ЕС становится Великобритания, завершающая процесс выхода из этого интеграционного объединения и приступающая к выстраиванию системы дальнейших взаимоотношений с Европейским союзом. В основе анализа, результаты которого представлены в статье, лежит сочетание основных теорий европейской интеграции: неофункционализма и либерального интерговернментализма. Такое сочетание позволяет проанализировать роль в становлении Северного измерения как отдельных стран-участниц ЕС — значимое внимание в данном контексте уделяется Финляндии, — так и европейских наднациональных институтов, в первую очередь, Европейской комиссии. Делается вывод о значимости для процесса выстраивания дальнейших взаимоотношений между Евросоюзом и Великобританией роли Ирландии. Ожидается, что эта роль окажется сопоставима с той, которую сыграла Финляндия для выстраивания отношений между ЕС и Россией, включая становление Северного измерения в качестве эффективной и перспективной модели выстраивания отношений между этим интеграционным объединением и крупными державами.

Ключевые слова: европейская интеграция, неофункционализм, интерговернментализм, Северное измерение, дезинтеграция, Россия, Финляндия, Великобритания, Ирландия

Для цитирования: Ланко Д. А. Северное измерение как перспективная модель взаимодействия ЕС с крупными державами в условиях обострения дезинтеграционных процессов на европейском пространстве // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 17–28.

The Northern Dimension as a Promising Model of Interaction between the European Union and Great Powers in Times of Aggravation of Disintegration Processes in the European Space

Dmitry A. Lanko

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; dimppa@hotmail.com

ABSTRACT

The article discusses the Northern Dimension — the four-lateral policy of the Russian Federation, the European Union, Norway and Iceland — in two instances. On one hand, the Northern Dimension has established itself as an effective instrument of meeting specific challenges of the northern part of the European continent. On other hand, the article discusses the Northern Dimension as a model of relationship between the EU and its potent neighbours,

comparable with Russia in terms of their military power, size of the economy and the scale of political ambitions. The United Kingdom, which is finishing its exit from the European Union, and which is starting building a new system of relationship with it, has recently emerged as such potent neighbour of the European Union. The article presents the results of analysis based on a dialogue between major theories of European integration: namely neo-functionalism and liberal intergovernmentalism. Combining the two theories allows analysing the roles of individual EU member states — the article focuses on Finland in that context — and of European supranational institutions in the formation of the Northern Dimension; among supranational institutions, the article focuses on the European Commission. The article concludes that Ireland can play a crucial role in the building of future relationship between the European Union and the United Kingdom. The Irish role is comparable with the role that Finland has played in the building of the relationship between the EU and Russia and in developing of the Northern Dimension into an effective and promising model of relationship between the integration union and its great power neighbours.

Keywords: European integration, neo-functionalism, intergovernmentalism, Northern Dimension, disintegration, Russia, Finland, United Kingdom, Ireland

For citing: Lanko D. A. The Northern Dimension as a Promising Model of Interaction between the European Union and Great Powers in Times of Aggravation of Disintegration Processes in the European Space // Administrative consulting. 2021. N 7. P. 17–28.

В поисках теории европейской дезинтеграции

Перспектива выхода Великобритании из Европейского союза в результате референдума 2016 г. продемонстрировала углубление дезинтеграционных процессов на европейском пространстве и спровоцировала дискуссию о причинах, особенностях и последствиях европейской дезинтеграции в научной литературе. Например, Я. Зелонка указывает на то, что Европейские сообщества и позднее Европейский союз были созданы не для открытия границ в Европе вообще, но для открытия конкретных границ, существовавших в конкретный исторический период [28]. За прошедшие с тех пор десятилетия границы в Европе изменились весьма существенным образом. Объединение Германии и дезинтеграция Чехословакии, Югославии и Советского Союза являются лишь некоторыми примерами того, как изменились европейские границы после Рима и даже после Маастрихта. Те институты, которые создавались для обеспечения открытости старых границ, оказываются неэффективными в условиях формирования новых границ, в том числе они оказываются неспособными сдерживать обострение процессов европейской дезинтеграции.

Д. Веббер указывает на уникальную роль Германии в процессе европейской интеграции [26]. До сих пор Германия играла стабилизирующую роль в этом процессе, помогая Европейским сообществам, а позднее — Европейскому союзу преодолевать регулярно случающиеся кризисы. Хотя этих кризисов было немало, ни один из них не был «сделан в Германии». Нынешний кризис, «сделанный» даже не в Великобритании, а в Англии, едва ли окажется способен разрушить Европейский союз. Однако если Германия станет причиной кризиса Европейского союза, то последствия такого кризиса окажутся гораздо более значимыми. Дж. Фридман также называет Германию одной из причин обострения дезинтеграционных процессов в Европе, призывая не упускать из внимания «германский вопрос» [10, с. 149–161] — важнейшую геополитическую проблему XIX–XX вв., не утратившую своей значимости, по его мнению, и в начале XXI в. Он призывает рассматривать европейскую дезинтеграцию в контексте реакции других стран Европы на резко возросшую роль Германии в европейской политике после объединения 1990 г.

Г. Воллаард предлагает избегать рассмотрения европейской дезинтеграции в качестве процесса, обратного европейской интеграции [25]. Процесс европейской

интеграции стал следствием формирования соответствующей политики, т. е. такой политической организации обществ во многих европейских странах, которая создала условия для возникновения требований со стороны этих обществ к своим государствам делегировать часть государственного суверенитета наднациональным институтам Европейских сообществ, а позднее — Европейского союза. Начало процесса европейской дезинтеграции не означает разрушения этой политики, но его следует рассматривать, по мнению Г. Воллаарда, в качестве следствия формирования такой политической организации обществ в некоторых европейских странах, которая создает условия для возникновения требований со стороны этих обществ к своим государствам вернуть делегированный ранее суверенитет.

Б. Розамонд предлагает рассматривать европейскую дезинтеграцию не в качестве конечного процесса, который завершится с исчезновением Европейского союза, но в качестве индикатора более масштабных процессов, в результате которых изменится тот контекст, в котором сформировались предпосылки для европейской интеграции в том виде, в каком она нам известна, и который сегодня меняется, создавая предпосылки для дезинтеграции [20]. Так, европейская интеграция могла происходить в условиях, когда представительная демократия и рыночная экономика не только сосуществовали в границах одного пространства в одну эпоху, но и взаимно укрепляли друг друга. Европейская дезинтеграция, по мнению Б. Розамонда, может свидетельствовать о завершении эпохи сосуществования представительной демократии и рыночной экономики.

Основные теории европейской интеграции: неофункционализм и либеральный интерговернментализм

При всем разнообразии точек зрения, составляющих содержание научной дискуссии о европейской дезинтеграции, все участвующие в дискуссии исследователи сходятся во мнении, что ни одна из двух доминирующих теорий европейской интеграции — ни неофункционализм, ни либеральный интерговернментализм — не объясняют причин, особенностей и последствий европейской дезинтеграции. Термин «неофункционализм» был предложен Э. Б. Хаасом в конце 1950-х гг. (в 2004 г. было опубликовано второе издание его классического труда 1957 г. [11]), назвавшим три фактора необратимости движения Европы к единству. Важнейшим из них является технократический подход к процессу европейской интеграции, якобы, лежащий в основе работы наднациональных органов Европейского объединения угля и стали. Другими важными факторами являются «эффект переливания», который проявляется в том, что интенсификация экономического взаимодействия неизбежно требует углубления европейской интеграции, что, в свою очередь, обуславливает еще более интенсивное взаимодействие и процесс формирования европейской «лояльности».

Термин «интерговернментализм» также использовался в контексте дискуссии о европейской интеграции в 1950-е и 1960-е годы, обсуждению этой теории, наряду с неофункционализмом и федерализмом, посвящена значимая часть монографии Ч. Пентленда 1973 г. [21]. Однако как и федерализм, в 1970-е и 1980-е годы интерговернментализм утратил значительную часть популярности среди теоретиков европейской интеграции, и в 1992 г., когда на основе европейских сообществ был создан Европейский союз, неофункционализм являлся наиболее популярной теорией европейской интеграции. Своим становлением в качестве второй наиболее значимой теории европейской интеграции либеральный интерговернментализм обязан статьям и монографии Э. Моравчика, написанной на основе его наблюдений за поведением западноевропейских государств на переговорах, приведших к подписанию важнейших для процесса европейской интеграции документов, вплоть до Маастрихтского договора в 1992 г. [18].

Таким образом, если Э. Б. Хаас подчеркивал роль наднациональных институтов в процессе европейской интеграции, Э. Моравчик подчеркивал роль национальных государств. Хотя сторонники каждой из теорий подчас выступают с резкой критикой своих оппонентов [напр., 27], представляется, что они взаимно дополняют друг друга. Роль стран-участниц Европейского союза, подписавших основополагающие документы, определившие характер процесса европейской интеграции на каждом его этапе, несомненна. Однако в ситуации кризиса европейской интеграции, когда страны Евросоюза в силу внутривнутриполитических причин оказываются не в состоянии в полной мере выполнять ранее ими же самими принятые на себя обязательства, возрастает роль наднациональных институтов.

Их роль заключается в том, чтобы в ситуации кризиса не только сохранить, но и способствовать углублению европейской интеграции. Благодаря этому, когда кризис заканчивается, страны ЕС вновь приступают к интеграции не с чистого листа, и даже не с того места, где они остановились накануне кризиса, но на шаг впереди. Как будет показано ниже на примере Северного измерения, в редких ситуациях, когда наднациональные институты сами утрачивают интерес к тому или иному аспекту европейской интеграции, задачу по сохранению и развитию сформировавшихся в докризисный период моделей начинают выполнять отдельные страны Евросоюза. Ниже процесс формирования и развития Северного измерения будет рассмотрен с точки зрения тех ролей, которые на каждом этапе этого процесса играли наднациональные институты и национальные государства. Среди первых, наибольшее внимание будет уделено Европейской комиссии, среди вторых — Финляндии.

Финляндия сделала максимальный вклад в становление Северного измерения в качестве важного аспекта европейской интеграции в 1990-х годах [8], она же является важнейшей страной ЕС, занимающейся продвижением Северного измерения сегодня. Благодаря Финляндии, произошло становление Северного измерения в качестве четырехсторонней политики Евросоюза, России, Норвегии и Исландии, нацеленной на решение важнейших проблем европейского Севера. Северное измерение является не только эффективной политикой, способствующей решению конкретных проблем, включая важные проблемы взаимоотношений России и Европейского союза; оно является также моделью, которая, как будет показано ниже, может использоваться для решения конкретных проблем взаимоотношений между ЕС и государствами, сопоставимыми с Россией по степени политического и экономического влияния. Ниже будет содержаться попытка примерить модель, сформировавшуюся в процессе становления Северного измерения, к взаимоотношениям между Евросоюзом и Великобританией после выхода последней из этого интеграционного объединения.

Роль Европейской комиссии и Финляндии в процессе становления Северного измерения

Впервые с инициативой создания модели межгосударственного сотрудничества на европейском Севере выступил в своей Мурманской речи 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Его роль в качестве европейского лидера, предложившего формат сотрудничества, которому в будущем, уже после распада СССР, будет суждено стать Северным измерением, признают и финляндские исследователи, сделавшие активный вклад в уточнение этого формата в 1990-е годы [напр., 12]. В конце 1980-х годов М. С. Горбачев надеялся, что предлагаемое им «новое мышление» для всего мира будет положительно воспринято также и западноевропейскими партнерами Советского Союза. В этих условиях инициатива создания в Европе Северного измерения была обусловлена осознанием необходимости

ухода от противопоставления Запада и Востока в европейской политике, обусловленного идеологическим противостоянием, с заменой его на противопоставление Севера и Юга, обусловленного геополитическими различиями северной и южной частей европейского континента.

Надежды М. С. Горбачева не оправдались, и даже после распада СССР противопоставление Запада и Востока в европейской политике не завершилось. Ведь корнями это противопоставление уходило не в идеологическое противостояние эпохи «холодной войны», но в западноевропейскую культуру эпохи Просвещения, влияние которой на возникновение этого противопоставления точно охарактеризовал Л. Вульф [3]. Однако для большинства населения и элиты Финляндии, занимавшей в годы «холодной войны» положение между западным и восточным блоками, даже после присоединения страны к Европейскому союзу в 1995 г. важнейшую роль продолжала играть идентификация ее как северной страны, не западной или восточной [17]. Стремление повысить свой статус в Европейском союзе, обратить внимание последнего на проблемы развития территорий Крайнего Севера, а также переложить часть груза ответственности за выстраивание отношений с Россией заставили Финляндию вновь поставить вопрос о необходимости Северного измерения для европейского континента, включая Россию.

Считается, что выдвижение Финляндией инициативы появления в Европе Северного измерения началось с речи премьер-министра страны П. Липпонена в Рованиemi в 1997 г. [16], хотя будущий президент страны Т. Халонен, занимавшая пост министра иностранных дел в 1995–2000 гг., выступала с аналогичными заявлениями и до 1997 г. Первоначально в поддержку финляндской инициативы не высказалась даже соседняя Швеция, также вступившая в Европейский союз в 1995 г. и заинтересованная в привлечении его внимания к проблемам развития территорий Крайнего Севера. Тогда это объясняли личной неприязнью премьер-министров Финляндии и Швеции П. Липпонена и Й. Перссона [24]. Однако в поддержку финляндской инициативы выступила Европейская комиссия, усмотревшая в Северном измерении инструмент, способный усилить ее роль в ущерб ролям стран-участниц Евросоюза в формировании Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, к чему Евросоюз приступил после вступления в силу в 1999 г. подписанного за два года до этого Амстердамского договора.

Благодаря активным действиям Финляндии и Европейской комиссии, и при поддержке «сменившей гнев на милость» Швеции удалось оформить Северное измерение в качестве политики Европейского союза, ориентированной на пространственное развитие пограничных территорий Евросоюза со странами, вступление которых в ЕС ожидалось в ближайшее время (в первую очередь, со странами Балтии), а также со странами, вступление которых в ЕС в обозримом будущем не предвиделось, в первую очередь, с Россией, но также Норвегией, Исландией и, в меньшей степени, Беларусью. Наиболее важные достижения в становлении Северного измерения в таком качестве были сделаны в период председательства Финляндии в Евросоюзе в 1999 г. Благодаря этому, уже в 2000 г. удалось принять План действий по Северному измерению во внешней и трансграничной политиках Европейского союза на 2000–2003 гг. [9]. В дальнейшем на периоды председательства Финляндии в ЕС также приходились этапы наиболее интенсивного развития Северного измерения.

Так, в период председательства Финляндии в 2006 г. Северное измерение превратилось из политики Европейского союза в четырехстороннюю политику, реализуемую совместно Евросоюзом, Россией, Норвегией и Исландией. Эта трансформация была активно поддержана Европейской комиссией, для которой показалось выгодной «вовлеченности Северного измерения в области высокой политики» [2, с. 62]. Энтузиазм Европейской комиссии в данном вопросе, с одной стороны, и не-

готовность ее использовать во взаимоотношениях с Россией иные подходы, нежели во взаимоотношениях с другими странами Восточной Европы, с другой стороны, заставили некоторых экспертов начать сравнивать Северное измерение с Восточным партнерством Евросоюза [1, с. 112]. Роль Европейского союза и его наднациональных институтов в обновлении Северного измерения в 2000-х гг. дала основание ряду авторов назвать Евросоюз одним из «центров силы» [5] в Балтийском регионе.

Готовность Норвегии и Исландии присоединиться к формированию и реализации политики Северного измерения сыграла важную роль в превращении последней в эффективный инструмент решения конкретных проблем европейского Севера, в первую очередь, в сферах охраны природы и обеспечения ядерной безопасности, но также в областях общественного здравоохранения и социального развития, транспорта, логистики и культуры. Интерес Норвегии к Северному измерению обуславливался как стремлением повысить эффективность совместных действий в сферах охраны природы, обеспечения ядерной безопасности и развития культур коренных народов Крайнего Севера, так и желанием приобрести влияние на процесс формирования энергетической политики ЕС, которая начала формироваться в середине 2000-х годов [19].

Исландия, в свою очередь, в 2000-х годах активизировала свою внешнюю политику в условиях, когда военно-воздушные силы США перестали использовать базу в Кефлавике и осуществлять защиту страны с воздуха, из-за чего обеспечение безопасности страны оказалось в зависимости от военного сотрудничества с Норвегией, в первую очередь, а также с другими северными странами [14]. В 2010-х годах, когда Европейская комиссия утратила интерес к сотрудничеству с Россией и к Северному измерению в частности, Норвегия и Исландия сыграли важную роль в сохранении Северного измерения, проведя в 2014 и в 2016 гг. совещания старших должностных лиц Северного измерения в Осло и Рейкьявике соответственно. В 2019 г., когда Финляндия вновь председательствовала в Европейском союзе, началось постепенное возрождение Северного измерения именно в качестве совместной политики Евросоюза, России, Норвегии и Исландии, нацеленной на решение общих для европейского Севера проблем, которые не стали менее значимыми в связи с вооруженным конфликтом на Украине [7].

Северное измерение как возможная модель взаимоотношений Европейского союза и Великобритании после брежневита

В конце 1990-х годов интерес Европейской комиссии к Северному измерению как к модели взаимоотношений между Европейским союзом и Россией стал одним из важнейших факторов, позволивших запустить политику Северного измерения хотя бы на уровне ЕС. Во второй половине 2000-х годов, когда Северное измерение превратилось в четырехстороннюю политику, Европейская комиссия стала одной из этих четырех сторон, наряду с Россией, Норвегией и Исландией. Наконец, во второй половине 2010-х годов отсутствие интереса со стороны Европейской комиссии привело к тому, что политика Северного измерения испытала, по меткому выражению финляндского президента С. Нийнисте [6], «некоторое время затишья», из которого она начала выходить лишь в период финляндского председательства в Евросоюзе в 2019 г. Важнейшей причиной, почему Европейская комиссия в середине 2010-х годов утратила интерес к Северному измерению, является вооруженный конфликт на Украине, сделавший, по мнению многих исследователей, «очевидным» неспособность постсоветской России интегрироваться с Западом» [20], в том числе с Европейским союзом.

То, как Европейская комиссия оценивает роль России в вооруженном конфликте на Украине, заставляет ее рассматривать действия России в качестве препятствия

для реализации ее интересов. К интересам Комиссии в данном контексте можно отнести и стремление к вовлечению России в европейские интеграционные процессы, пусть и в отдаленной перспективе, и стремление к более тесному вовлечению Украины в эти процессы, чему Россия, по мнению Комиссии, препятствует, и негативное ее отношение к неконтролируемому ею переделу границ в Европе, делающему саму Комиссию неэффективной, согласно процитированному выше мнению Я. Зелонки. В этих условиях снижение интереса Комиссии к сотрудничеству с Россией, включая Северное измерение, выглядит оправданным. Однако если снижение интереса Европейской комиссии к Северному измерению обуславливается политическими причинами, то такая роль Европейской комиссии перестает соответствовать критериям «технократического подхода», которым должны руководствоваться наднациональные институты Европейского союза, по мнению приверженцев неофункционализма в теории европейской интеграции.

Напротив, можно предположить, что на смену технократическому подходу, который, действительно, определял характер работы наднациональных институтов в прошлом, пришли собственные интересы наднациональных институтов, в первую очередь, Европейской комиссии, отличающиеся от интересов каждой из стран — участниц Евросоюза, однако схожие по своей природе с национальными интересами. В научной литературе словосочетание «интересы Европейской комиссии» встречается редко. Вместе с тем, в работах некоторых исследователей отдельных аспектов европейской интеграции можно прочесть, например, предсказания того, что основные компетенции той или иной политики вскоре «...превратятся в цели Сообщества, учитывая сильные институциональные *интересы* (курсив мой — Д.Л.) Европейской комиссии, стремящейся расширить сферу своей деятельности, ее способность изобретать новые обоснования для инициатив, настойчивость в требованиях передачи новых компетенций на наднациональный уровень, а также умение стратегически формировать ожидания граждан...» [15, с. 18].

Еще до 2016 г. Великобритания воспринималась многими исследователями европейской интеграции как государство, где существенная часть населения настроена «евроскептически, враждебно по отношению к некоторым аспектам структуры и функционирования Европейских сообществ и Европейского союза, в том числе связанным с утратой суверенитета, финансовым бременем и сложной европейской бюрократией» [22, с. 66]. Однако отход европейской бюрократии от технократического подхода и ее стремление руководствоваться своими интересами, стал одним из факторов, доведших долю населения Великобритании, выступавшего за выход из Европейского союза, до критической. Представляется, что выход Великобритании из Евросоюза не приведет к исчезновению общих для этой страны и ЕС проблем. Соответственно, Европейской комиссии, странам-участницам Евросоюза, для которых эти проблемы окажутся значимыми, а также Великобритании придется согласовывать свои интересы, и Северное измерение здесь сможет сыграть роль модели, на основании которой это согласование интересов будет происходить.

Если вследствие выхода Великобритании из Европейского союза на западной окраине европейского континента сформируется схожая с Северным измерением многосторонняя политика, которую можно условно назвать «Западным измерением», то это произойдет, скорее всего, благодаря продвижению такой политики одной из стран-участниц ЕС. Этой стране придется сделать для «Западного измерения» не менее, чем Финляндия, как было показано выше, сделала для Северного измерения. В настоящее время представляется, что роль такой страны могла бы сыграть Ирландия. «Из всех стран-участниц ЕС Ирландия в наибольшей степени пострадает от выхода Соединенного королевства из Европейского союза» [13]. Одной из задач политики «Западного измерения», как представляется, могла бы стать минимизация этого ущерба для Ирландии. И если эта страна выступит с ини-

циативой создания «Западного измерения» как общей политики Великобритании, Евросоюза и, возможно, некоторых других стран, то можно ожидать, что ЕС подержит ирландскую инициативу.

Возможным представляется даже объединение уже существующего Северного измерения с «Западным измерением», если таковое будет создано, путем превращения первого в пятистороннюю политику Евросоюза, России, Великобритании, Норвегии и Исландии. Многие общие для Европейского союза и Великобритании проблемы, которые необходимо будет решать сообща после выхода Соединенного королевства из ЕС, стоят на повестке дня также Норвегии и Исландии. Еще в первой половине XX в. Великобритания проявляла значительный интерес к региональному сотрудничеству стран северной части европейского континента [4], которое в начале XXI в. привело к возникновению политики Северного измерения. Ожидается, что в 2020-х годах основное внимание политики Северного измерения будет перемещаться в Арктику, где Великобритания также имеет значимые интересы. Пока характер двусторонних отношений России и Великобритании не позволяет охарактеризовать такой сценарий развития событий как наиболее вероятный, однако объявлять данный сценарий невероятным оснований также нет.

Заключение

Современный кризис Европейского союза, одним из важнейших индикаторов которого стала перспектива выхода из него Великобритании, был обусловлен, среди прочих факторов, нарушением баланса между единством и раздробленностью Европы в пользу чрезмерной централизации, возникшей вследствие выбранной модели европейской интеграции. Перспектива выхода Великобритании из Евросоюза привела к попыткам исследователей международных отношений приступить к формулированию теорий европейской дезинтеграции, в том числе, путем переосмысления двух важнейших теорий, объясняющих процесс европейской интеграции: неофункционализма и либерального интерговернментализма. Первая теория объясняет европейскую интеграцию через факторы, обуславливающие единство Европы: действие так называемого «эффекта переливания», формирование общеевропейской идентичности, а также, что наиболее важно для анализа, результаты которого были представлены выше — деятельности наднациональных институтов Европейского союза.

Последние, как полагают приверженцы неофункционализма, основывают свою деятельность на технократическом подходе, что составляет главное отличие этих институтов от национальных государств, руководствующихся в своих действиях на международной арене национальными интересами. В свою очередь, сторонники либерального интерговернментализма отталкиваются от изначальной ситуации раздробленности Европы, в которой многие европейские страны, исходя из собственных национальных интересов, делают выбор в пользу европейской интеграции. Северное измерение — четырехсторонняя политика России, Евросоюза, Норвегии и Исландии, как было продемонстрировано выше, может наилучшим образом быть понято путем сочетания отдельных элементов обеих этих теорий. Это позволяет одновременно охарактеризовать как роль отдельных стран — участниц ЕС в формировании политики Северного измерения, так и роль в этом процессе наднационального института — Европейской комиссии.

Среди стран-участниц Европейского союза Финляндия выделяется той ролью, которую эта страна сыграла на разных этапах формирования и последующей эволюции Северного измерения. Как было показано выше, особенно эта роль Финляндии становилась заметной в периоды, когда эта страна председательствовала в Евросоюзе: в 1999, 2006 и 2019 гг. Что же касается Европейской комиссии, то

этот наднациональный институт был заинтересован в создании Северного измерения в первые годы формирования этой политики, он стал одной из сторон этой четырехсторонней политики, когда она сформировалась в своем нынешнем виде, и он же утратил в 2010-е годы интерес к Северному измерению, благодаря чему эта политика оказалась в кризисе, который преодолевается в настоящее время. Северное измерение является еще одним примером, позволяющим продемонстрировать, что Европейская комиссия в своей деятельности на международной арене подчас отталкивается от собственных институциональных интересов, благодаря чему ее поведение становится похожим на поведение национальных государств.

Помимо того, что Северное измерение является эффективным инструментом решения характерных для северной части европейского континента проблем, оно представляет собой модель, которая может использоваться не только для упорядочивания сотрудничества между Евросоюзом и Россией, но представляется пригодной также и для налаживания сотрудничества Евросоюза с другими своими соседями, сопоставимыми с Россией по своей военной мощи, размеру экономики и масштабам политических амбиций. Анализ, результаты которого были представлены выше, позволяет заявлять о применимости этой модели к взаимоотношениям между Евросоюзом и Великобританией после выхода последней из этого интеграционного объединения в формате гипотетической политики «Западного измерения» или даже путем превращения Великобритании в пятую сторону политики Северного измерения. Применение этой модели к взаимоотношениям Евросоюза с Россией, Великобританией, Норвегией и Исландией станет одним из факторов смягчения дезинтеграционных процессов на европейском пространстве.

Литература

1. Болотникова Е. Г., Межевич Н. М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 115–126.
2. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. «Северное измерение»: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1 (1). С. 55–63.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
4. Катцова М. А. Региональное сотрудничество стран Северной Европы в планах и оценках Великобритании в 1918–1939 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 4. С. 84–90.
5. Ланко Д. А. Становление региона Северного измерения как приоритета внешней политики «центров силы» в Балтийском регионе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 4. С. 107–117.
6. Нийнисте С. Совместная пресс-конференция [Президента Российской Федерации В. В. Путина] с Президентом Финляндии Саули Нийнисте // Kremlin.Ru. 27 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55175>. (20.11.2019).
7. Anttonen M. Northern Dimension 2.0 // Baltic Rim Economies. 2019. N 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.utu.fi/bre/northern-dimension-2-0> (дата обращения: 20.11.2019).
8. Arter D. Small State Influence within the EU: The Case of Finland's "Northern Dimension Initiative" // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38. N 5. P. 677–697.
9. Council of the European Union (General Affairs). Action Plan for the Northern Dimension with External and Cross-Border Policies of the European Union, 2000–2003. Communication from the Council (General Affairs) to the European Council. Brussels, June 14, 2000. 9401/00 LIMITE NIS76 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ndphs.org/internalfiles/File/Strategic%20political%20docs/1st_ND_Action_Plan.pdf (дата обращения: 20.11.2019).
10. Friedman G. Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe. New York : Anchor Books, 2016. XXII+264 p.
11. Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces. Notre Dame : Notre Dame University Press, 2004. 552 p.

12. *Heininen L.* Finland as a Northern Country in the New North Europe // The New North Europe: Perspectives on the Northern Dimension / ed. L. Heininen, J. Kähkönen. Tampere : Tampere Peace Research Institute, 1998. P. 25–49.
13. *Heinrich M.* Ireland and Brexit: Behind the Façade // The Globalist: Rethinking Globalization. January 26, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobalist.com/ireland-and-brexite-behind-the-facade-european-union/> (дата обращения: 20.11.2019).
14. *Ingimundarson V.* Iceland's Post-American Security Policy, Russian Geopolitics and the Arctic Question // RUSI Journal. 2009. Vol. 154. N 4. P. 74–80.
15. *Lamping W.* European Integration and Health Policy: A Peculiar Relationship // Health Governance in Europe: Is.s, Challenges, and Theories / ed. M. Steffen. New York : Routledge, 2005. P. 18–48.
16. *Lipponen P.* The European Union Needs a Policy for the Northern Dimension // The New North Europe: Perspectives on the Northern Dimension / ed. L. Heininen, J. Kähkönen. Tampere : Tampere Peace Research Institute, 1998. P. 125–133.
17. *Moisio S.* Pohjoisen ulottuvuuden geopolitiikka: Pohjoinen periferia ja uuden Euroopan alueellinen rakentuminen [Геополитика Северного измерения: северная периферия и пространственное конструирование новой Европы] // Terra. 2000. N 112 (3). P. 117–128.
18. *Moravcsik A.* The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. London, New York : Routledge, 1999. XII+513 p.
19. *Offerdali K.* Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North // Arctic. 2010. Vol. 63. N 1. P. 30–42.
20. *Paikin Z., Sangar K., Merlen C. R.* Russia's Eurasian Past, Present and Future: Rival International Societies and Moscow's Place in the Post-Cold War World // European Politics and Society. 2019. Vol. 20. N 2. P. 225–243.
21. *Pentland C.* International Theory and European Integration. New York : Free Press, 1973. 283 p.
22. *Rodrigues N. C.* Brexit and the Future of the EU: Move Back or Move Forward? // After Brexit: Consequences for the European Union / ed. N. da Costa Cabral, J. N. Gonçalves, N. C. Rodrigues. London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 65–82.
23. *Rosamond B.* Brexit and the Problem of European Disintegration // Journal of Contemporary European Research. 2016. Vol. 12. N 4. P. 864–871.
24. *Tuomioja E.* Göran Persson, Min väg, mina val [Йоран Перссон: Мой путь, мой выбор: рецензия на книгу]. Bonniers, 479 s., Pössneck 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://tuomioja.org/kirjavinkit/2007/12/goran-persson-min-vag-mina-val-bonniers-479-s-possneck-2007/> (дата обращения: 20.11.2019).
25. *Vollaard H.* Explaining European Disintegration // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. N 5. P. 1142–1159.
26. *Webber D.* How Likely Is It That the European Union Will Disintegrate? A Critical Analysis of Competing Theoretical Perspectives // European Journal of International Relations. 2014. Vol. 20. N 2. P. 341–365.
27. *Wincott D.* Institutional Interaction and European Integration: Towards an Everyday Critique of Liberal Intergovernmentalism // Journal of Common Market Studies. 1995. Vol. 33. N 4. P. 597–610.
28. *Zielonka J.* The Remaking of the EU's Borders and the Images of European Architecture // Journal of European Integration. 2017. Vol. 39. N 5. P. 642–656.

Об авторе:

Ланко Дмитрий Александрович, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; dimppa@hotmail.com

References

1. Bolotnikova Y. G., Mezhevich N. M. The Northern Dimension policy: Current State and Development Prospects // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2010. N 4 (6). P. 103–113. (In rus)
2. Busygina I., Filippov M. Northern Dimension: Participant Strategies // Baltic Region [Baltiiskii region]. 2009. N 1 (1). P. 55–63. (In rus)
3. Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994. XIV+419 p. (In rus)

4. Kattsova M.A. British Plans and Evaluations for Nordic Regional Cooperation between the Two World Wars // Vestnik of the St. Petersburg University. History [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya]. 2010. N 4. P. 84–90. (In rus)
5. Lanko D.A. The Northern Dimension as a Rising Priority in the Foreign Policy of the Powers of the Baltic Sea Region // Vestnik of the St. Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Culture. Politics. Law. International Relations [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhduнародnye otnosheniya]. 2010. N 4. P. 107–117. (In rus)
6. Niinistö S. Vladimir Putin and Sauli Niinistö Gave a Joint News Conference Following Bilateral Talks // Kremlin.Ru. July 27, 2017 [Electronic source]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55175> (accessed: 20.11.2019). (In rus)
7. Antonen M. Northern Dimension 2.0 // Baltic Rim Economies. 2019. N 3 [Electronic source]. URL: <https://sites.utu.fi/bre/northern-dimension-2-0> (accessed: 20.11.2019).
8. Arter D. Small State Influence within the EU: The Case of Finland's "Northern Dimension Initiative" // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38. N 5. P. 677–697.
9. Council of the European Union (General Affairs). Action Plan for the Northern Dimension with External and Cross-Border Policies of the European Union, 2000–2003. Communication from the Council (General Affairs) to the European Council. Brussels, June 14, 2000. 9401/00 LIMITE NIS76 [Electronic source]. URL: https://www.ndphs.org/internalfiles/File/Strategic%20political%20docs/1st_ND_Action_Plan.pdf (accessed: 20.11.2019).
10. Friedman G. Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe. New York : Anchor Books, 2016. XXII+264 p.
11. Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces. Notre Dame : Notre Dame University Press, 2004. 552 p.
12. Heininen L. Finland as a Northern Country in the New North Europe // The New North Europe: Perspectives on the Northern Dimension / ed.L. Heininen, J. Kähkönen. Tampere : Tampere Peace Research Institute, 1998. P. 25–49.
13. Heinrich M. Ireland and Brexit: Behind the Façade // The Globalist: Rethinking Globalization. January 26, 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.theglobalist.com/ireland-and-brexit-behind-the-facade-european-union/> (data accessed: 20.11.2019).
14. Ingimundarson V. Iceland's Post-American Security Policy, Russian Geopolitics and the Arctic Question // RUSI Journal. 2009. Vol. 154. N 4. P. 74–80.
15. Lamping W. European Integration and Health Policy: A Peculiar Relationship // Health Governance in Europe: Is.s, Challenges, and Theories / ed.M. Steffen. New York : Routledge, 2005. P. 18–48.
16. Lipponen P. The European Union Needs a Policy for the Northern Dimension // The New North Europe: Perspectives on the Northern Dimension / ed.L. Heininen, J. Kähkönen. Tampere : Tampere Peace Research Institute, 1998. P. 125–133.
17. Moisio S. Pohjoisen ulottuvuuden geopolitiikka: Pohjoinen periferia ja uuden Euroopan alueellinen rakentuminen // Terra. 2000. N 112 (3). P. 117–128.
18. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. London, New York : Routledge, 1999. XII+513 p.
19. Offerdali K. Arctic Energy in EU Policy: Arbitrary Interest in the Norwegian High North // Arctic. 2010. Vol. 63. N 1. P. 30–42.
20. Paikin Z., Sangar K., Merlen C.R. Russia's Eurasian Past, Present and Future: Rival International Societies and Moscow's Place in the Post-Cold War World // European Politics and Society. 2019. Vol. 20. N 2. P. 225–243.
21. Pentland C. International Theory and European Integration. New York : Free Press, 1973. 283 p.
22. Rodrigues N.C. Brexit and the Future of the EU: Move Back or Move Forward? // After Brexit: Consequences for the European Union / ed.N. da Costa Cabral, J.N. Gonçalves, N.C. Rodrigues. London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 65–82.
23. Rosamond B. Brexit and the Problem of European Disintegration // Journal of Contemporary European Research. 2016. Vol. 12. N 4. P. 864–871.
24. Tuomioja E. Göran Persson, Min väg, mina val. Bonniers, 479 s., Pössneck 2007 [Electronic source]. URL: <https://tuomioja.org/kirjavinkit/2007/12/goran-persson-min-vag-mina-val-bonniers-479-s-possneck-2007/> (accessed: 20.11.2019).
25. Vollaard H. Explaining European Disintegration // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. N 5. P. 1142–1159.

26. Webber D. How Likely Is It That the European Union Will Disintegrate? A Critical Analysis of Competing Theoretical Perspectives // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20. N 2. P. 341–365.
27. Wincott D. Institutional Interaction and European Integration: Towards an Everyday Critique of Liberal Intergovernmentalism // *Journal of Common Market Studies*. 1995. Vol. 33. N 4. P. 597–610.
28. Zielonka J. The Remaking of the EU's Borders and the Images of European Architecture // *Journal of European Integration*. 2017. Vol. 39. N 5. P. 642–656.

About the author:

Dmitry A. Lanko, Associate Professor of the Department of European Studies of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; dimppa@hotmail.com